

На второй день к сумеркам Гордей вышел к месту, откуда три месяца тому назад он ускакал курьером в Таянск. Эти двое суток он прошел только с одной остановкой; в прошлую ночь под овсяной кладью продремал часа два-три, пережидая, когда рассеется непроглядная темь осенней ночи. «Только три месяца, а будто год прошел. Сколько пришлось пережить!» – вздохнул Гордей.

Он присел на колоду на опушке леса и внимательно стал всматриваться в раскинувшиеся перед ним Подъельники. До села было на меньше полутора верст. На всем поле хлеба были уже убраны, стояло много небольших кладушек, огороженных от скота. Село красиво располагалось на высоком противоположном берегу речки Огневой. Красноватые лучи вечернего солнца блестели на позолоченном кресте деревянной церкви.

Прямо за селом раскинулся широким ковром сосново-еловый лес, сливавшийся вдаль с безбрежной тайгой, уходившей вглубь вечерних сумерек.

Какое-то время ему придется жить здесь. Теперь он – не Алексей Залетаев, а Кольцов Семен Борисович, доверенное лицо известного таянского адвоката Соловьева. Гордей усмехнулся превратностям своей судьбы и ещё, уже в сотый раз, достал листок гербовой бумаги, удостоверяющий, что он и есть Кольцов. «Является... неофициальным поверенным лицом по особо важным следственным делам».

«Значит, секретным агентом розыска?» – Гордей уже готов был вжиться в новую роль. Только розыск у него был один: невеста Елена, укрывшаяся в таежной кержацкой обители, у чёрта на куличках.

Смеркалось. Послышались голоса. Из ложбинки на взлобочек поднималась лошадь с двумя малыми седоками. Мальчуганы уныло затягивали какую-то песню. Слов Гордей не мог разобрать, но одну фразу – «там золото рыли в горах» – ясно уловил. Увидев незнакомца, мальчишки умолкли и остановили лошадь.

– Подъезжай, ребята, не бойся! – крикнул Гордей, приветливо махнув рукой.

Мальчишки, в длинных зипунах и рваных картузишках, босые, с настороженными лицами, подъехали.

– Покурим что ль, мужики? – предложил Гордей и вынул коробку с душистыми сигарами, позаимствованными у одного купца.

– Мы не курим, дяденька, – ответил парнишка, сидевший на лошади впереди и крепко державший поводья уздечки.

– Молодцы. Никогда не курите, – Гордей поднялся и подошел вплотную к ребятам. – Ну, а далеко ли направились, герои?

– Не, недалеко. Мы к деду Абрамуне, к Сухорреброму на пасеку, тут в лесу, – первый мальчуган поднял руку и махнул на тайгу. – Он там корытца долбит, везем ему харч.

– Не забываете деда, это хорошо. А почему он Сухоробрый? Что, у него мяса на ребрах нет? – улыбаясь, спросил Гордей.

– Мы не знаем. Ну, он такой тощий, сухоробрый. Когда он жил в городе, экипажи там делал для господ. Там ему и дали такое прозвище – Сухоробрый.

– Понятно. Значит, дед Абрамуня – рабочий человек.

– Ага, рабочий. Он все умеет делать: и прядки, и веретенки, и для пчел рамчатые колодки.

– Во как! Мастеровой какой у вас дед!

Испуг с мальчишеских лиц сошел, и они с интересом рассматривали Гордея: шляпу городскую, меховую тужурку, добротные яловые сапоги. А такого ароматного дыма, как от его сигары, они никогда прежде не нюхали. Но кто ж такой этот веселый и разговорчивый дядька? Не бродяга и не разбойник, Савраску-то не отобрал.

– А песне про золото кто вас научил?

– А это, Васька портной, Всякая Разная. Он в новом доме у дяди Кондрата живет. Рядом с церковью.

«Значит, Кондрат Воронин в Подъяльниках, на месте. Удачно», – подумал Гордей, а у пацанов спросил: «Всякая Разная – это кто?»

Ребятишки переглянулись.

– Это так его прозвали наши деревенские девки, потому что он этот Васька – инвалид, горбатый и хромой, косорукий и кривой, ещё кривоzubый и рябой. Зато гармонист хороший, песельник, ещё шутейник – сдохнешь с хохоту! Стишки сам складывает. наших девок как прохватит – хоть стой, хоть падай!

– А у дяди-то Кондрата как дела? – поинтересовался Гордей.

Пацаны замешкались. Старший, что побойчее, по-взрослому заметил:

– Бывало и лучше. Так мой тятка говорит. Брат дяди Кондрата. Правда, дом дядька новый построил. Еще старухе шубу справил, да исподнее бельишко и все такое. И две керосиновые лампы горят.

– Значит, Кондрат снова женился?

– Ага. Взял в дом себе тетку Параску, вдову. Еёного мужика в прошлом году медведь в тайге задрал.

Узнав, что хотел, Гордей махнул ребятам на прощание и собрался идти дальше, но один из мальчишек его окрикнул:

– Дяденька, а вы из городу?

Гордей улыбнулся, ответил:

– Нет, я ехал по тракту, заночевал в поле. Пустил лошадь на кормежку. Она, видно, порвала путы и убрела куда-то. Вот ишу уже целый день, вышел к вашей деревне, нигде моей лошади нет.

Мальчишки переглянулись.

– Это цыган Ромка украл. Ох и ворюга, варнак. А, можа, и разбойники. Они загодь цельный караван с золотом с тракту зацапали. Тридцать три тройки!

Гордей присвистнул и скрылся в зарослях, как будто растворился в лесу. Вскоре прогремела колесами жандармская упряжка, выехавшая из села, обдав мальчишек грязью.

Вечерняя заря погасла, и все потонуло в ночной темноте: и лес, и чистое поле, и Подъельники. Но село проглядывало сквозь темь мерцающими огоньками в домах. Свет от лучины и смолья в окнах то вдруг ярко запылывает, то разом начинает гаснуть, и только в двух домах, ровно и не мигая, светили керосиновые лампы. У Кондрата Воронина и в доме священника.

Огород был невелик, и Гордей, быстренько пройдя по нему, оказался у глухого забора, нащупал в нем калитку во двор. Калитка была не заперта, но цепной пес заливался громким лаем и кидался на изгородь.

На лай собаки из дома вышел хозяин.

– Кто тут? – настороженно бросил он в темноту.

– Из города. Мне вас рабочие с Енисейского прииска рекомендовали как надежного товарища, дядя Кондрат.

Мужик задумался, а потом привязал рычащего пса короче и сказал:

– Приискатели – народ серьезный. Зря говорить не станут. Заходи, коль пришел. Пропустив гостя, Кондрат, вошел вслед за ним в дом и защёлкнул дверь на крючок.

– Прасковья, – крикнул он жене, возившейся у печи. – Давай-ка, сооруди яичницу да распатронь самоварчик! А вы в горницу проходите. Как вас величать-то?

– Семен Кольцов. Имею на это документ.

Гость вынул из нагрудного кармашка пиджака вчетверо сложенный листок и, развернув его, положил перед Кондратом.

Наклонившись над листком и не дотрагиваясь до него, хозяин пристально посмотрел в бумагу. Инвалид Василий тоже приподнялся и глянул на документ.

– Видим. Кольцов Семён Борисович. Крупно. И печать приложена. Всё законно.

– Зовите меня, дядя Кондрат, просто – Семён, – сказал пришлый и положил бумагу обратно в кармашек.

– Ну что ж, раз Семен – так Семен. Значит – Сеня, – сказал Кондрат, хитрово улыбаясь, переглянулся с Василием. – За каким-таким делом к нам в Подъельники?

Гость тихо, почти шепотом произнес:

– Вы, наверняка, знаете, что в начале лета на тракте был разбит золотой караван. Золото разбойники провезли через ваше село в тайгу. Вслед был направлен отряд полицейских, разбойников захватили где-то тут в кержацкой обители. А золота не оказалось. Его успели спрятать.

– Фью-и! – присвистнул Кондрат. – Чистое дельце!

– Теперь власти ведут расследование: кто верховодил разгромом каравана? Кто спрятал золото и куда? – продолжал гость. – Дело – сам чёрт не разберет! Но в следственной комиссии есть наши образованные люди, они говорят, что в грабеже замешано большое начальство. Понятно, власти стараются повести так, чтобы свалить все на политических ссыльных. А наши гнут свою линию: разоблачить начальство! Вот и послали меня сюда, чтобы я тут пожил в тайге, вокруг Подъельников и староверческого монастыря, присмотрелся ко всему, что и как? В городе мне надежные люди сказали: в Подъельниках живут рабочие с Енисейских приисков Кондрат Воронин и с ним парень Василий, не продадут, не выдадут. Иди к ним, они помогут тебе.

– Неужели так и сказали? Знают нас! – не выдержал Василий и посмотрел вопросительно на Кондрата, удивленный и взволнованный.

Кондрат, польщенный, горделиво разгладил усы, легонько откашлявшись, сказал:

– А как же ты, Вася, думал. Мы с тобой артельные люди, знаем почем фунт лиха! На кого же в тайге опереться? На мужика что ли, который дальше своей пашни не бывал и ни уха, ни рыла не смыслит! Понял, Васёк?... Какую же услугу в таком деле, Семён, мы тебе можем оказать?

– Тут так, дядя Кондрат: я должен проживать в тайге под видом охотника. До поры, до времени никто не должен знать о моей связи с вами. Где мне соорудить себе таёжную избушку? Вот в этом, на первый случай, и помогите.

– А избушку сооружать тебе не надо, она уже готова. Не избушка, а хоромы! И в таком, брат, местечке я ее устроил, что сам лесной леший с ума собьется, не разыщет! – довольный Кондрат искренно рассмеялся.

Хозяин поднялся и вышел в кухню. Там он тихо сказал жене:

– Коли ты, Прасковья, про нашего гостя на селе проболтаешься – пришибу! Баба молча перекрестилась и подала ужин.

Утром, после раннего завтрака, Кондрат Воронин пошел к волостному старосте Багрову поговорить о предстоящей работе на застолбленной тем золотоносной площади, где-то за Малиновой гривой, в верховьях речки Безымянки. Сам Терентий Назарович в золотом промысле мало что смыслил, и потому, как только Кондрат предложил ему разведать площадь, хозяин участка согласился почти сразу. Добротную избушку на прииске он уже построил, а вот для шурфовки у него ни времени, ни навыков не было.

О плате за работу они уговорились, с кубической сажени выброшенного грунта. Терентий Назарович даже намекнул Кондрату, что если золотишко окажется, то он поставит его управляющим прииска. Воронин равнодушно пожал плечами. Большого богатства на приисках Кондрат не нашел. Но в последний год, когда он был старостой артели, ему малость подфартило. Вернулся на родину в Подъельники, с хромым инвалидом Василием, сыном товарища, погибшего при обвале породы.

Через год Кондрат построил себе крестовый дом, женился на Прасковье, деньжонок только-только хватило. С пашней он не захотел себя связывать, отвык. Потому и решил уйти в тайгу, охотиться и шурфовать у Багрова.

Домой Кондрат вернулся только к полудню. Принёс дробь, порох и капсули.

– Еле-еле срядился с Терёхой. Вот Глот так Глот, сукин сын. Хочет открыть прииск, а с тебя готов шкуру содрать, задарма работай, – с порога объявил жене и постояльцам. – Зато будет, чем нам заняться в тайге. А тебе, Сеня, срочно из села надо уходить. Жандармы всех неместных подряд хватают и в город, в кузку.

Едва на востоке обозначилась бледная полоска рассвета, Гордей-Семен через огород прошмыгнул в бор. Пройдя саженой двести, он вышел на дорожку, уходившую вглубь леса. По ней пробирались старообрядцы в свою обитель, на пятой версте круто сворачивали влево, прямо на весенний закат солнца. Как

наказал Воронин, гость должен дойти до поскотины, и там у воротец дожидаться их – Кондрата с Василием.

Они чуток запоздали. Кондрат извинился:

– Терентия встретил. Он – напуганный. Предупредил, что у его прииска троих неизвестных видели. Ходят, чего-то приглядываются, принимают. Бойтся, кабы столбы вокруг его участка не переставили. Ходи потом по начальству, доказывай. Божится, что золота там много. Даже долю мне в деле предлагал, лишь бы за всем приглядывал.

Дошли до развилки, и Кондрат сказал, что левая тропка ведет в кержацкий монастырь. Верст двадцать дотуда. А до Багровской пасеки вдвое ближе, но по другой тропинке. Там живет старик Евстигней со старухой. Отсюда до них, похоже, верст десяток будет.

– А наша избушка далеко? – спросил Гордей-Семен.

Кондрат остановился и принялся объяснять:

– Верст пяток наберется, если не с гаком. Значит так, Сеня, запоминай: в обитель – на запад, на пасеку к Багрову – прямо на север, к моей избушке – на северо-восток, на Малиновую Гарь – точно на восток, а Подъельники у нас в затылке, на юге.

Городской потрогал в нагрудном кармане тужурки компас. На месте. Значит, один в тайге не заблудится.

Шли долго по сырой тайге. Обходили болота и непролазные завалы бурелома. Наконец, выбрались на чистую сосновую гривку, а, спустившись с неё, по склону вышли на берег Ржавого озера, прямо к самому стану Кондрата Воронина

Добротный сруб был вкопан в косогор, словно растворился в нем. Даже вход, и тот сразу не разглядишь. А внутри – просторно, светло, а если печку растопить, то и тепло будет. Окно рядом с дверью. Вдоль стен нары. Человек пять-шесть свободно разместятся. На полках – кухонная утварь.

Но на этом таежное чудо не заканчивалось. Рядом с землянкой еще кладовая и стойло для лошади с запасом сена.

– Всё по-хозяйски устроено, – похвалил Семен.

– Только с водой – беда, – посетовал Кондрат. – Даже рыбы в озере нет. Ржа задавила. Но лошадь пьет, хотя и фыркает. Мы тоже пьем. Зато уж никого сюда на рыбалку не тянет.

Городской окинул взглядом озеро. Оно было небольшое, десятины три. Вокруг стоял высокий лес, и только на восток тянулось болото, поросшее мелким соснячком.

– Васек, давай-ка развязывал свой мешок, перекусим. Отдохнем крошку, а тогда уж примемся за дела, – сказал Кондрат.

Василий проворно разложил еду. Пригласил:

– Милости прошу к нашему шалашу!

Насытившись, Кондрат погладил живот и сказал:

– Люблю я, Сеня, тайгу. За двадцать лет на приисках тоже ведь по лесам, да по землянкам обитали. Токо там артельное дело, веселее, всегда с людьми. А тут, на охоте, бродишь один, как сыч, да по сторонам пялишься. А вдруг и впрямь золотишко найдем? Вот тогда мы с тобой, Сеня, и подберем артель, да и потяга-

емся с Глотом: кто тут хозяин! В артели главное – товарищество. Товарищество рабочих!

Остаток дня, дотемна, таскали к избушке сушняк на зиму, чтобы не лазать за ним потом по пояс в снегу.

Вечером Кондрат с Семеном составили для Василия подробный список, что он должен принести, и наказали парню внимательно следить за жизнью села: кто будет приезжать из города, зачем, о чем народ толкует?

Кондрат снова напомнил товарищам, как не заблудиться в здешней тайге:

– Главное – не уходить за реку на Большую землю. Тут-то плутать негде. Либо к кержакам в обитель выйдешь, либо на пасеку к старику Евстигнею, либо сюда на мой стан к Ржавому озеру, а нет – на Малиновую гарь к Багрову. Ну, заночуешь две-три ночки в тайге, это не в счет. А вот перемахнешь на Большую землю, то там, брат, смотри, на тысячи вёрст можешь никого не встретить. Кроме, тунгусов. Но они – народ бродячий.

Утром Кондрат проводил Ваську до тропы, а потом весь день с Семеном пилили дрова. Работали упорно, молча. Каждый думал о своем. Горожанин о своей Елене прекрасной: найдет ли он ее в обители? А Кондрату теперь уже не терпелось скорей проверить Багровскую застолбленную площадь. «Черт его знает, а вдруг... И как хорошо, что судьба привела этого парня ко мне: грамотный, бывалый, знающий приисковое дело, главное, с рабочей закваской и на богатеев зол, как дьявол! С таким можно развернуть артельное дело!»

После разгрома золотого каравана по Таянску прокатилась волна событий. Началось с того, что князь Разумов за встречу царского сановника в летнюю пору на санях был выслан куда-то на север Восточной Сибири. Прокурор Сухоруков смещен с высокого поста без права поступления на службу в органах юридического ведомства, как золотопромышленник, а это правительственным положением не допускалось. Полицейстер Хвостов после поимки разбойников в кержацкой обители бесследно скрылся. Он оказался беглым каторжником, пробравшимся на полицейскую службу благодаря связям в высшем обществе Петербурга.

Знаменитый верзила-силач, кузьмичевский кучер татарин Габдул-Харыз, был найден в овраге за городом с разможенной головой. Барон Цвейг оказался задушенным прямо у себя в постели. В купеческой, дворянской и чиновничьей среде смаковали это происшествие как пикантное дельце, мол, очередной любовник красавицы баронессы задушил старика. Последним убили известного в городе цирюльника.

В казачью воинскую часть прибыло пополнение, и теперь ночами по городу часто разъезжал конный патруль.

Еще судачили на каждом углу, что к самому Кузьмичеву среди бела дня проник в квартиру его кузнец Залетаев, открыл железный шкаф, битком набитый деньгами, и с целым мешком сотельных-катеринок исчез, как в воду канул.

Начальник жандармского управления полковник Гибер фон Грейнфенфельс получил отставку, и на его место заступил капитан Решетников. Причиной отставки полковника послужил провал дела с задержанием государственного

преступника Столетова, укрывшегося на кузнецовском заводе под видом Залетаева.

Губернатора Пшеспшеровского отозвали в столицу. Его обязанности стал исполнять вице-губернатор Андреев. Ему же было поручено руководить следствием по делу разгрома золотого каравана. Время шло, бумаги по допросам и дознаниям росли, а преступников не выявлялось. Шли слухи, что следствие зашло в тупик, и никаких концов в преступном клубке не находилось.

А так Таянск жил своей обычной жизнью: на пристань из барж, пришедших последним рейсом из Тюмени, выгружались товары, предназначенные на восток. Ямщина приводила в порядок сани, ремонтировала сбрую, подгоняя ее к каждой лошади, готовилась по первому зимнему пути отправиться в далекую дорогу, в Иркутск с обозами. Крестьяне везли в город сено, дрова, продукты на базар. Через город проходили партии арестантов, побрякивая кандалами. Купцы и лавочники бойко торговали. Чиновники брали крупные и мелкие взятки, а нищие Христовым именем собирали грошовые подаяния по папертям церквей и в других людных местах. На ночь таянцы закрывали ставни на крепкие болты и навешивали грузные замки на ворота.

По проторенной еще в 30-х годах дорожке в Таянск прибывали партии ссыльных поляков, участников восстания прошлого, 1863 года.

Алексей Михайлович Кузьмичев о деньгах особо не задумывался, многомиллионное наследство, оставленное отцом, позволяло ему жить, как хочется. По молодости он был загружен учёбой в гимназии, которую окончил с золотой медалью, а потом уехал на долгие годы в Санкт-Петербург в университет. Заниматься мыслями о торговых купеческих делах отца было некогда. Да и не к чему. Он не собирался посвящать свою жизнь коммерческой деятельности, он хотел стать ученым мужем, чтобы просвещать отсталую Сибирь.

Неограниченные возможности просветительской деятельности на огромных неосвоенных просторах поражали его воображение своей широтой. Еще с первого класса гимназии навсегда запали в его памяти слова великого Ломоносова, что «могущество России будет прирастать Сибирью». Ему больше нравились естественные науки. Много читал выписанных из столицы книг.

Но, оканчивая гимназический курс, он пересмотрел свои устремления на будущее, решил, что больше принесет пользы на службе Фемиды. И Кузьмичев поступил на юридический факультет Петербургского университета.

Шесть лет он прожил в столице, не испытывая ни в чём нужды, отец систематически высылал ему солидные суммы, не запросив ни разу отчета, как сын их расходует.

Вместе с университетским дипломом Алексей Михайлович получил и наследство: внезапно скончался старик-отец. И наследник твердо решил употребить и знания, и капитал на процветание Сибири. Вернулся в Таянск и продолжил отцово дело.

Новая промывательная машина «Америка» отлично показала себя на золотом прииске в Мариинской тайге. Даже двое суток тряски по осеннему бездорожью не смогли убить в нем приподнятое настроение. Грамотные эти американцы! Таких бы машин еще с десяток, сколько золота-то можно намать!

Отоспавшись в отчем доме, он бодро вскочил с постели и крикнул прислуге, чтобы завтрак подали в кабинет.

На столе лежала большая стопа корреспонденции, накопившаяся в его отсутствие. Локомобиль отправлен в Таянск, перец и прочий товар с Обской губы от англичан прибыл благополучно и определен на склад.

В дверь постучали, и послышался бархатный голос сестры:

– Алёша, к тебе можно?

– Да, да, Машенька, заходи!

Обняв брата, она сразу же затараторила о происшествии.

– У нас тут такое произошло без тебя! Я хотела взять денег из сейфа, чтобы рассчитать прислугу, а ключ заклинило. Ну, я и вызвала с завода мастера Залетаева, чтобы помог открыть сейф. Только он закончил работу, откуда ни возьми, нагрянули жандармы. Окружили дом. Ружья вскинули и в нас целились, словно мы – преступники какие-то. А мастер твой рванул к дальнему окну, выпрыгнул со второго этажа и в рощу. Жандармы в дом зашли, а его уж и след простыл.

– Молодец Залетаев! – Кузьмичев порадовался за своего работника, а потом посетовал: – Хороший мастер. На заводе его будет не хватать.

– Да и это еще не все! – не унималась Мария. – Жандармы сказали нам с Груней, когда показания снимали, что это был сам Столетов!

Тут Алексей Михайлович не выдержал и рассмеялся от души:

– Да будь хоть сам Карл Маркс! Так еще романтичнее. Ты мне лучше скажи: пиджак мой не видела? Что-то я его найти не могу.

– Ой! – сконфузилась сестра и закрыла лицо руками. – Так я его Залетаеву отдала, когда он в окно прыгать собрался. Осень на дворе. Холодно. Вдруг человек простудится.

Тут уж брат рассердился не на шутку. Его университетскую образованность с лица, как ветром, сдуло.

– Дура! Какая же ты – дура, Машка! Сама не понимаешь, чего натворила!

На пороге кабинета, как приведение, выросла строгая фигура матери Александры Петровны. Видимо, шум привлек.

– Дети, перестаньте!.. Алёшенька, что ты так разволновался из-за пустяка, пиджак? У тебя там деньги были, что ли?

– Что мне деньги, маман !.. В кармане был отцовский портсигар.

Мать удрученно покачала головой:

– Жалко, конечно, память об отце. Но это вовсе не повод так голос на сестру поднимать.

– Да, а на дне портсигара рисунок тунгусской шапки с тайной надписью. Отец очень хотел, чтобы я ее расшифровал. Что-то уж больно важное там было написано. А мне все было недосуг. А теперь рисунка нет.

Раздосадованный заводчик плюхнулся в кресло.

Брак наследника миллионов с Елизаветой Сухоруковой оказался неудачным, во-первых потому, что она заболела чахоткой, во-вторых – расчёты Кузьмичева прибрать к рукам прииски тестя потерпели крах. Он уже всерьез задумывался о разводе, но переждал с этим вопросом до возвращения Елизаветы, уехавшей

на курорт в Горный Алтай. Развод сильно осложнит отношения с тестем, в его лице молодой Кузьмичев получит непримиримого врага и конкурента по добыче золота. И позиции его против Сухорукова будут весьма слабыми. У того золотоносных участков не меряно, а у зятя – всего один.

Чтобы хоть как-то поднять настроение сына, мать принесла ему не распакрованную, туго затянутую папку отцовых бумаг. Он тут же оставил другие дела и принялся разбирать рукописи предка. И вскоре наткнулся на то, что искал, записи о тунгусской шапке.

«Тунгусы мне говорили, что эта шапка очень древняя. Она передается из поколения в поколение, как народная святыня. Бляшки на ней из разных металлов означают, что далекие их предки добывали эти металлы на Большой земле и делали из них разные предметы».

– Вот, оказывается, в чем загадка! – вскрикнул молодой человек и хлопнул себя по лбу.

В памяти всплыл рисунок из портсигара. Три бляшки на шапке – это место-рождения трех металлов. Золото – точно. А что еще? Серебро? Медь? Свинец? Цинк? А вдруг камни драгоценные? И все это – рядом. В Подъельниках!

Чтобы обойти болото за Ржавым озером, уходил целый день, от зари до зари. За неделю, прошедшую после ухода Кондрата к Багрову на прииск, Гордей обошел болото пять раз. Он освоился с местностью, приноровился к ружью, научился приманивать рябчиков на свисток.

В воскресенье на охоту не пошел, решил привести в порядок одежду, обувь... мысли. Только вышел из избушки за дровами, как услышал песню хромого инвалида.

– Привет отшельнику! – из седла крикнул Василий и торжественно вскинул руку.

– Прошу к нашему шалашу, добрый всадник, – с улыбкой ответил Семен-Гордей. Он подошел к прибывшему верховому и взял навьюченную лошадь под уздцы.

Василий осторожно спустился, и они обнялись. За обедом он поведал все последние новости из Подъельников. На месте, где тамошний парень Афонька Авдеев заказал у Василия парадную тужурку, якобы для охоты, хотя, по словам самого портного, он свататься собрался к какой-то таинственной незнакомке в кержацкой обители, Гордей разнервничался и закурил.

– А про караван с золотом что говорят? – поинтересовался таежный житель.

Василий пожал плечами. Что с возу упало, то пропало.

А тут и сам Кондрат объявился. Сказал, что место для шурфа уже выбрал, но границы участка надо еще уточнить, поэтому завтра он вместе с Василием поедет в село. Еще – что свежую медвежью берлогу нашел. Будет зимой охота.

Семен-Гордей вызвался проводить товарищей до свертка на кержацкую обитель.

– Хочу на новую монахиню посмотреть. Авось, мы с ней и знакомы.

Кондрат отговаривать его не стал, только посоветовал:

– Представься им лучше старовером, будто из далекого скита. Да они тебя и не будут расспрашивать, кто ты такой, откуда. У них это не положено. Только

крестись двумя перстами почаще, – и Кондрат показал как. – Сойдешь за кер-
жака, первый сорт.

До полудня Гордей шел смешанной тайгой. Тропа пролегалла по невысокой
гриве и хорошо была заметна. Но сухая тайга кончилась, и пошла мочалина.
Дорожка местами совсем терялась, бросаясь в обходы то в одну, то в другую
сторону, и тогда Гордей, чтобы не сбиться с пути, отыскивал старые затесы на
деревьях, и от одного к другому продвигался уже медленно. Только к сумеркам
он вышел к Щучьему озеру, вдоль которого широкой полосой тянулся кедров-
ник на взгорке.

Тишина. Только в ушах от разгоряченного тела стоял легкий шум. Озеро, в
полверсты шириной, блестело, как стальное зеркало. На противоположной его
стороне по крутому высокому берегу сплошной стеной тянулся сосновый бор.
Лучи вечернего солнца падали на желтые, еще не опавшие листья березняка по
опушке бора, подчеркивая и без того резкую золотистую кайму зеленого ковра.

Всматриваясь вдаль озерного зеркала, где оно, закругляясь, кончалось, Гор-
дей увидел часть почерневшего от времени деревянного забора монастырского
двора, выступающего из прибрежных кустов. Забор выходил к берегу озера и,
казалось, прижимался вплотную к пышной роще кедрача.

Осторожно, приглядываясь и прислушиваясь, Гордей подошел к полуоткры-
той калитке. Остановился. По тропке снизу от озера поднимались две монашки
с полными ведрами воды на коромыслах.

– Мир вам, добрые сестрицы! – громко произнес Гордей, и осенил себя вы-
разительным двуперстым крестным знамением.

– Здравствуй, братец, – ответили монашки, с любопытством всматриваясь в
ядренного молодца со смуглым лицом, начинавшим обрастать кудрявой бород-
кой. Они приняли Гордея за старообрядца. Монахинь звали Зина и Фрося.

– К нам? – спросила молодая монашка Зина.

Путник представился Семеном и сказал:

– Да, сестрица. Я из дальних скитов, пришел повидать настоятеля обители
Мисаила Варфоломеича.

Монахини привели его в келью для гостей и сказали, что настоятель его се-
годня все равно не примет, он молится, а ужин гостю принесут сюда.

Внутри кельи было темно. Гордей чиркнул серянку, увидел стол, на конце
которого сверкал ярко начищенный бронзовый подсвечник с недогоревшей
свечой. Второй спичкой он зажег огарок. Осмотрелся. Это была просторная
изба с низким потолком и только одним окном во двор. Вдоль трех глухих стен
стояли голые топчаны, посередине длинный трапезный стол. В переднем углу,
правее окна, висели две медные иконы: божья мать с младенцем и распятие
Христа – и бронзовая вычурная лампадка.

Только Гордей расположился на ближнем к окну и выходу топчане, как за-
шла Зина и зажгла лампадку. Пахнуло деревянным маслом, и лики на иконах
осветились синим цветом. Гордей спросил:

– Зина, зачем ты зажгла лампадку?

– Такой порядок у нас. Раз тут есть человек – лампадка должна гореть.

– А часто бывают у вас люди?

– Летом – редко. Зимой часто. Со всех скитов несут пушнину. Обитель скушает.

– Значит, зимой у вас весело?

– Знамо, весело. – Зина улыбнулась. – Сколько наших девчат замуж повышло по скитам! У нас это за всяко-просто. А ты, брат Семён, может, тоже пришел к нам невесту выбирать? Или ты уже женатый?

– Холостой, Зина. И потому насчёт невесты... выбрать не прочь. Но мне надо такую, чтоб была самой красивой на свете!

Зина лукаво посмотрела на странника и с гордостью или с обидой сказала:

– А у нас есть такая! Зовут ее Лена, она подружка моя.

– Вот как! А покажешь?

Зина смутилась.

– Сейчас не получится. Ее нет в обители. Она в городе, багровских ребятишек грамоте учит. Она учительница. А уж раскрасавица! Волосы у нее золотые!

Гордей кинул шапку на пол и громко заявил:

– Уговорила! На ней, твоей подружке, и женюсь!

Монахиня еще раз оценивающе окинула взглядом жениха:

– Ой, братец Сеня, а не поломаешь ли зубы?

– А что, разве я плохой парень? – Гордей демонстративно выпятил грудь.

– Ты – хороший. Красивый, веселый. Но только она другого любит. Его на каторгу сослали. А она ждет. И дождетя.

Настоятель старообрядческого монастыря выглядел как обыкновенный светский человек в мирской одежде, с аккуратно подстриженной красивой бородкой.

Отец Мисаил заметил смущение пришельца и, чуть улыбнувшись, проговорил:

– Вижу, брат, что не таким ты представлял настоятеля монастыря! Я не придерживаюсь установленных в старину правил. Во многом все каноны устарели. Да и я больше купец, чем настоятель. Не стесняйся. Раздевайся, брат, раздевайся.

Гордей снял тужурку, повесил на крюк у двери. Отец Мисаил пригласил присесть, сам сел напротив, положил руки на стол. Дело они поладили быстро. О цене на пушнину и количестве шкур сговорились. Но только ни тот, ни другой не поверил в искренность собеседника.

Только Гордей вернулся в свою келью, как в монастырский двор со стороны озера вошли двое, ведя за собой оседланных лошадей. Жандарм, старший унтер-офицер Желонкин, и сопровождающий его парень Афонька Авдеев, «кержак» из Подъяельников.

Гордей решил, что это за ним и схватил стоявшее в углу ружье. Афонька повел лошадей в конюшню накормить, а жандарм направился напрямик в гостевую келью. Увидев за столом крепкого парня с ружьем, Желонкин расстегнул кобуру.

Проницательный Гордей оценил простоватую внешность унтер-офицера и понял, что тот, скорее всего, из бывших солдат, крестьянин, и что не составит большого труда навешать лапшу на уши этому простофиле. Так оно и вышло. Гордей представился секретным агентом из Санкт-Петербурга, расследующим

дело об ограблении каравана с золотом. Жандарма тоже за этим сюда начальство прислало. На почве общего интереса два Пинкертона и сошлись. Столичный сыщик изложил свою версию событий, что налет на золотой обоз организовали сами местные власти. Арестованных разбойников просто подставили, как козлов отпущения. Гордей очень просил Желонкина не выдавать его инкогнито, а взамен обещал делиться информацией о расследовании.

Прощаясь с братцем Семеном, монахиня Зина призналась ему, что в щербатом Афоньке Авдееве, что сватается к красавице Лене, она узнала одного из разбойников, которых еще не поймали. Вот какая интересная картина-то вырисовывалась!

На второй день после возвращения из обители Гордей отправился на охоту по знакомому уже маршруту вокруг Ржавого озера в болота. У старой сосны, откуда должен был повернуть обратно, он остановился. Еще в первый раз, когда Кондрат Воронин знакомил его с этим кольцевым маршрутом, они тут посидели немного на колоде, покурили. Тогда Кондрат и сказал ему:

– Отсюда, Сеня, если взять чуточку севернее, вон прямо на ту высокую елину, можно через часок-другой выйти на речку, за которой и лежит Большая земля, бескрайняя тайга. Тут самый короткий путь.

Гордея так и подмывало пойти туда. Взглянув на часы и осеннее низкое солнце, решил рискнуть. Через полтора часа он вышел к берегу реки. За ней по высокому матерiku сплошной темной стеной тянулась черновая тайга. Гордей даже залюбовался ее величием. А потом подумал, что в такой дубраве белок много, и они крупнее. Но был уже вечер, и пришлось устраивать ночлег. Натаскал сушняку, его по берегу уйма. Распалил костер, соорудил заслон и постель из пихтовых веток. Под звездами в душистой колыбели спал как младенец.

Утром, когда рассвело, он прошел сажен сто вдоль узкой полоски заберегов, присмотрелся. На перекате глубина небольшая, можно перейти. Но не в яловых сапогах с короткими голенищами, а в бахилах, купленных Кондратом у Багрова в лавке, которые он еще ни разу не надевал. И Гордей отправился в обратный путь. Вышел прямехонько к старой сосне и далеко до сумерек был уже в избушке Кондрата. За остаток дня и вечер он собрал все для трехдневного похода.

Заночевал за бродом на самой кромке тайги, на косогоре. А утром по компасу пошел строго на север. Белки настрелял целый мешок. И решил, что для первого раза хватит, после ночевки вернется обратно.

Ночью небо заволочло тучами, пошел снег. Едва дождавшись рассвета, Гордей двинулся в обратный путь. Изредка поглядывал на компас. Шел, как ему казалось, прямо на юг, нигде не останавливаясь, вся белка запала, пережидая непогодицу.

Снег падал и падал, и в небе никакого просвета. В желудке уже засосало, часы показывали три пополудни. Смахнув снег с валежни, Гордей присел перекусить. По его расчету ходьбы до речки оставалось всего каких-нибудь полчаса. Но ошибся. Кромешная тьма заставила его заночевать в тайге. Он понял, что сбился с прежнего курса, взял чуть левее, и река оказалась справа от него.

Но и на следующий день он до реки не дошел. Хотя протопал изрядно. И что самое ужасное – он вышел на собственные следы и заломы на деревьях нашел,

которые сам и делал. Гордей не понимал, как такое могло случиться. Ведь он шел строго по компасу, а на самом деле ходил по кругу. Из рассказов Кондрата он для себя четко усвоил, что в тайге главное – не паниковать. Если заблудился, то оставайся на одном месте. Ночь-другую переночуй, зато не забредешь в далекую глухомань. И он принялся строить капитальный круговой чум, как у тунгусов, чтобы можно было в нем постоянно поддерживать огонь.

Кузьмичев с кучером отправился в Подъельники. Купец распорядился запрячь в пролетку-фаэтон лучшую пару: коренником голубого иноходца, пристяжным – красавца гнедка, пританцовывающего и изгибавшего на ходу шею колесом. Намеревались проскочить сто верст до Подъельников без остановки, но не удалось. С выездом из Таянска запоздали, да и дорогу в дожди совсем разбили, а холод сковал слякоть в железо. Пришлось заночевать в деревушке на полпути.

И только на другой день, ближе к обеду, они подъехали к Подъельникам. Кучер ловко остановил пролетку у ворот багровского дома. Хозяин к тому времени со всем своим семейством вышли на улицу встречать дорого гостя.

– Милости просим, Алексей Михалыч, завсегда рады вам.

Они ушли в дом.

А кучер Петрунька, сам родом из Подъельников, разговорился с мальцами Гришкой и Мишкой, и они ему по секрету поведали, что видали странного городского дядьку, выспрашивающего про Кондрата Воронина.

Кузьмичев тем временем попросил волостного старосту Терентия Багрова пригласить двух сельских старожилов, работавших еще с его отцом, бабу Меланью и старика Захара Свистунова. А когда их доставили, то сразу начал спрашивать про тунгусскую шапку.

Старики напрягли память и вспомнили, как они под началом Кузьмичева-старшего разрывали древние курганы и как тунгусский шаман Тыган пристыдил батюшку Алексея Михайловича, что негожим промыслом он занимается, и показал ему древнюю шапку, в которой их предки зашифровали природные богатства.

– Скажите, Захар Степаныч и Маланья Ивановна, а кроме вас и моего отца кто-нибудь еще видел эту шапку? – поинтересовался купец.

Старики перекрестились и заверили, что никто. Тыган вскорости умер, а теперь оставшиеся тунгусы из его племени вообще ушли отсюда к Северному океану.

Кузьмичев сразу обрадовался и сказал:

– В таком случае только вы являетесь обладателями сведений о кладях на Большой земле. Это ваша собственность, которую вы имеете право либо подарить кому угодно, либо продать. Вам понятно?

Старики приняли купеческие слова за шутку. Но Кузьмичев не шутил и повелел Терентию Назаровичу, не откладывая дела в долгий ящик, сейчас же позвать писаря и составить купчую.

Вскоре появился писарь в потертом сюртуке с бумагой и чернилами. И представился:

– Осип Иванович Кубицкий.

Кузьмичев вкратце изложил ему суть дела и принялся диктовать:

– Пишите, Осип Иванович: купчая. Мы, жители села Подъельники той же волости Таянской губернии, Свистунов Захар Степанович и Новосельцева Маланья Ивановна с одной стороны ... Записали? ... и таянский купец Кузьмичев Алексей Михайлович с другой, пришли к обоюдному согласию. Первые продают, второй покупает сведения о земных недрах по всей территории Большой Земли, отдают свое право владеть и распоряжаться этими сведениями. Кузьмичев приобретает это право, за что уплачивает каждому по 100 рублей. Итого – 200. Написали?

Старики остолбенели. За какие же такие сведения он отваливает им такой капитал!?

Багров незаметно толкнул ногу писаря носком сапога. Осип Иванович сразу прекратил писать и сказал:

– Я сомневаюсь в законности этой сделки, господин Кузьмичев.

– Почему же?

– В купчей указывается, что вы покупаете сведения о недрах по всей Большой Земле. Но разве эта безграничная территория тайги принадлежит Свистунову и Новосельцевой, что давало бы им право продавать ее? Они что, помещики? Это же казенная земля. Как же её можно продавать? Это, позвольте, незаконная операция. Какая-то афера!

Кузьмичев громко рассмеялся.

– Вы ошибаетесь, господин Кубицкий! Это я вам как дипломированный юрист ответственно заявляю. Ведь я покупаю не землю, а сведения о недрах. Вам понятно?

– Но позвольте, господин Кузьмичёв, – не унимался писарь, поддерживаемый багровскими кивками, – Недра на этой земле также являются казенным имуществом!

– Да разве я это отрицаю? Но недра сами по себе ничего не могут рассказать. Чтобы получить о них нужные сведения, необходимо затратить человеческий труд исследователя. Эту затрату труда я и оплачиваю. Что же тут не ясного? Ведь этот труд, а значит и сведения не являются казенным имуществом! Крепостное право отменено.

– Но Вы не указываете: какие сведения? О чем?

Кузьмичев почувствовал подвох и сурово посмотрел на волостного старосту. Терентий сразу присмирел и больше никаких знаков писарю не подавал.

– Не слишком ли много любопытства, господин писарь? Я указываю, сведения о недрах, имея в виду полезные ископаемые. В чем они состоят конкретно, это разглашению не подлежит. Старики мне их передали, и за это я плачу деньги. И ни Свистунов Захар Степанович, ни Новосельцева Маланья Ивановна передавать их еще кому-либо не могут, они продают мне это право. Теперь они будут молчать об этих сведениях. Вы согласны, Маланья Ивановна и Захар Степанович?

– Согласны, согласны! – продавцы одобрительно закивали.

– А мне эта купчая дает право первооткрывателя возможных месторождений, и в очереди на отвод участков под разработки я теперь первый.

Как рассвело, Гордей пошел прямо на солнце и вскоре оказался на краю обрывистого берега незнакомой речки. Она с веселым журчанием через перехват между омутками перекачивала свои темные воды. На противоположной стороне в низине виднелось озеро, уже схваченное льдом.

Он достал записную книжку со схемой речной сети Большой земли, нарисованной по рассказам Кондрата. И пришел к выводу, что это совсем другая речка, не та, за которой избушка Воронина. До той, если верить схеме, верст пятнадцать будет.

Пройдя сажен сто по берегу, он неожиданно наткнулся на мостки, устроенные человеком. А по крутояру вверх убегала тропка с земляными ступеньками. Гордей пошел по ней и вскоре вышел в кедрач, к избушке. Крыша на два полых ската, засыпанных толстым слоем земли, торчит железная труба. Небольшая дверка в торце приперта крепким стяжком. Здесь уже давно никто не жил. Отбросив стяжок, он открыл дверку, и в нос ударил гнилой запах. Он отпрянул назад, подождал чуток, пока проветрится, а потом, закрыв нос рукавом, заглянул внутрь.

Нары, столик, камелек, сбитый из глины и накрытый листом толстого железа, на котором стоял медный чайник. Вверху под толстой маткой подвешен мешок с какой-то поклажей. Глаза понемногу привыкали к темноте, и вскоре он отчетливо разглядел на нарах полуразложившийся труп, прикрытый гнилыми тряпками. Оголившийся череп с темными дырами глазниц смотрел прямо на него. Гордей отпрянул наружу.

Обойдя избушку, он нашел сзади нее лопату. На холмике у реки вырыл могилу, вынес из избушки топчан со скелетом и схоронил человеческие останки по православному обычаю, установив на могиле крест из еловых веток.

Когда землянка проветрилась, Гордей принялся изучать свое новое пристанище и за нарами на полу нашел листок, исписанный корявым почерком. Бумага от времени и сырости почернела, но все же прочитать содержание ему удалось:

«Пришел в сознание. Вижу не подняться мне. Люди, знайте: Ерофеич я, фальшивомонетчик... приберите мои кости... Будь ты проклят, Терешка ...».

Подпертая снаружи дверца, скелет, записка... Все указывало, что здесь произошло преступление. Да и преступника установить было не сложно. Терешка. Терентий Багров. Глот. Волостной староста из Подъельников.

После отъезда Кузьмичева Терентий Назарович не находил себе места. Тунгусскую шапку, выходит, он проморгал. А ведь в собственных руках держал. Шаман Момоче, наследник Тыгана, толмачил о земляных кладах, а свинец тот он даже на зуб пробовал. И вот на тебе, обошел его Алексей Михалыч, на ровном месте обошел. Но ничего, он тоже не лыком шит. Заберет у Момоче шапку, тогда посмотрим, кто в тайге хозяином будет. И Багров решил, как только выпадет снег, отправиться на Высокий Мыс к тунгусам.

Дорогу он знал, как «Отче наш...». Пошел напрямиком через болота. Легкий морозец бодрил, груз в заплечной сумке был не велик, голицы скользили легко. И к вечеру Терентий добрался до тунгусского чума.

Момоче в оленьем халате, согнувшись у костра, обдирал зайца. Завидев гостя, он растопырил руки:

– О-о, Терешка, друг мой!

Терентий приобнял старика и подивился, как тот высох. Одна кожа да кости, непонятно в чем душа еще держится.

– Ты что – один? А где твой народ? – спросил Багров, хотя давно знал, что тунгусы ушли на север.

– Я их отправил в ледяную страну.

– Зачем? С кого же мне теперь ясак брать? Ведь меня волостным старшиной назначили. И долг кто мне отдаст?

Багров намеренно стращал шамана, чтобы тот выдал ему свою реликвию.

– Я что, свои шкуры должен теперь начальству отдавать за твой Высокий Мыс?

Терентий Назарович лукавил. Ещё по началу лета, как только он узнал, что «тунгусье смоталось», отписал в губернию, что в Подъельниковской волости ясак брать не с кого, так как последние инородцы откочевали неведомо куда. Там информацию приняли к сведению. И никакого ясака в Таянск отправлять больше не требовалось.

Но Момоче занервничал, руки затряслись, и скороговоркой он затараторил:

– Зачем ты будешь платить, Терешка? Ясак отдам я, за всех отдам! – решительно заявил старый тунгус.

Из оленьей меховины он стал вытаскивать шкурки и бросать их под ноги Терентию: лис, колонков, горностаев, белок.

– Соболей нет. Пусть царь не обижается. Тайга, однако, бедная стала.

Староста довольно улыбнулся, прикидывая, сколько он денег выручит за эту пушнину.

– Ладно, Момоче, с ясаком разобрались. А с моим долгом что будем делать?

Шаман приуныл. А потом принялся просить Терентия Назаровича подождать немного.

– Спасибо тебе, Терешка, что выручил мой народ в трудный год, не дал умереть с голоду. Клянусь: тунгусы добра никогда не забудут и вернут тебе много богатства. Хочешь: я тебя своим наследником сделаю?

Терентий почесал затылок и перешел к главному, зачем и пришел.

– Нет, Момоче. Так дело не пойдет. Ты вдруг померешь, а долг отдавать некому будет. Все ж твои на севере. Я, так и быть, прощу тебе немощному все, но только при условии, что ты отдашь мне ту старую шаманскую шапку, которую однажды показывал.

Шаман задумался и ушел в себя. Он сидел на оленьей шкуре, покачиваясь из стороны в сторону, и что-то тихо мычал. Багрову надоело это представление, и он потряс Момоче за плечо.

Не открывая глаз, шаман ответил:

– Нет, Терешка. При всем уважении к тебе не могу. Шапка далеко отсюда. Я отдал ее своему сыну Богдаче, он в роду теперь старший.

– Зарезал ты меня, старый колдун! Без ножа зарезал! – закричал Терентий, с досадой хлопнув ладонями по коленкам. – Навечно отдал?

– Навечно, Терешка, навечно. Хочешь я тебе взамен золото дам, много золота?

Багров злился: откуда, у тунгусов золото? Но все равно согласно махнул головой: давай!

Старик показал рукой под нары:

– Там. Забирай. Все – твое.

Староста присел, встал на колени и кое-как вытащил оттуда два тяжелых, обитых железом, одинаковых квадратных ящика.

– Пудов шесть будет, – проговорил Момоче.

– Тоже мне богатство – шесть пудов свинца! – отрешенно произнес Багров.

– А ты проверь!

Староста неохотно достал из ножен большой нож и поддел одну дощечку. Она не поддавалась. Еще сильнее, отогнулась чуток, и в пламени свечи заблестел желтый металл.

– Пресвятая богородица!.. Блестит! – Терентий перекрестился, не веря глазам. – И впрямь – золото! И где ты столько намыл?

Шаман молчал и хитро улыбался. Староста сам понял, откуда это золото, заметив на ящиках замки и сургучные печати.

– Сукин ты сын, Момоче, ведь это же казенное золото с разбитого каравана! Ты что, в разбойниках состоишь? – строго спросил староста и оглянулся по сторонам.

– Нет, Терешка. Я не разбойник. Монастырь – разбойник! Мисаилка Каверников – разбойник. Он своей торговлей лишил мой народ заработка. А ни пороха, ни пуль, ни спичек нам не давал. Не то что ты. В голодный год много моих людей по его вине умерло. Хотел я Мисаилке отомстить, даже монастырь думал спалить. Да безвинный народ пожалел. Мы видели, как обоз ограбили и куда ящики свезли.

– И куда?

– В монастырское подземелье. А ночью мы пробрались туда и вынесли эти ящики. Чтобы Мисаилке отомстить. И тогда я собрал народ и велел своим людям уходить на север. А то посчитают за разбойников, пытать будут, затаскают.

В душе Терентия боролись два человека. Один – законопослушный, волостной староста, а другой – стяжатель, глот, готовый за копейку человека удавить. Староста говорил, что надо шамана доставить жандармам, а глот нашептывал, что придушить старика – и дело с концом, никого же вокруг, а старик – единственный свидетель, может проболтаться.

«Все мои владения: с мельницей, лавкой, с товарами не стоят и сотой доли этого капитала!» – прикидывал он. Невольно рука потянулась к ящику. Запустив пятерню в золотую россыпь, Терентий Назарович долго перебирал тяжелые зерна золотой пшенички. Холодный металл жег его алчную душу, голова закружилась. Но счастье это было тайным, воровским и оттого накатывало чувство робости. Вдруг сильно захотелось водки. В мешке у него было целых три бутылки. Специально взял для тунгусов. Они же пить совсем не умеют. С первой стопки пьянеют. За бутылку гору пушнины отдадут. А одному хилому Момоче бутылки хватит, чтобы отправиться в страну предков. И грех на душу брать не придется.

На высокий холм через болото Гордей отправился на голицах Ерофеича. Лыжи были вытесаны из осины, неуклюжие, тяжеловатые, но идти на них было все равно несравнимо легче, чем утопать в снегу.

К сумеркам он был уже на вершине холма. Ветер со свистом продувал здесь все насквозь. По небу неслись серые рваные облака, периодически закрывая луну и большой, как стог сена, тунгусский чум.

Вход в него перемела вьюга. Пробравшись сквозь сугроб, Гордей приподнял тяжелую оленью шкуру и крикнул в темноту:

– Эй, кто там есть живой?

Никто не ответил. В чуме стояла мертвая тишина. Гордей повторил. Полное молчание. Он чиркнул серянку и шагнул на середину жилья, где маячил очаг. На низеньком столике заметил свечу и зажег ее. На лежанке под шкурами лежал старик. Его лицо, исхудавшее, с высоким лбом и длинной козлиной бородкой, походило на мумию. Старик чуть вздохнул и тихо простонал. Гордей приподнял ему голову и преподнес ко рту фляжку с водой:

– Попей, дед, попей. Легче будет.

Старик, не открывая глаз, сделал несколько больших глотков. Гость осмотрелся, нашел очаг, дрова, и вскоре вскипятит в котелке воду и заварил чай. Размочил в чашке сухарь, растолок его и накормил старика хлебной жижей. Рядом с лежанкой больного Гордей увидел пустые бутылки из-под водки.

Утром он сходил на охоту, подстрелил зайца, разделал его, нарубил сушняка и сварил похлебку. Накормил ею больного и щедро натопил чум.

Старик простонал и открыл глаза:

– Кто здесь?

– Заговорил, дед. Хорошо! – Гордей напоил его еще бульоном.

– Кто ты? – спросил старый тунгус.

Подумав, спаситель ответил:

– Я кузнец из Москвы.

– А как ты попал сюда, на Высокий Мыс, из Москвы? С неба свалился что ли? – старик попытался улыбнуться.

– Беглый я, с каторги, – откровенно признался Гордей.

– Молодец. Кузнец, удалец! А как тебя звать?

– Семен Кольцов, – настоящим именем он даже старому тунгусу не назвался.

– А я, Семен, шаман. Меня Момоче зовут. Видать, сами духи тебя ко мне прислали перед смертью, чтобы я открыл тебе свою тайну...

Мой народ в давние времена тоже знал кузнечное дело. Но пришли степняки, многих наших убили, жен в рабство угнали, а выжившие ушли сюда, в тайгу. Но рудознатцы наши предки были знатные. Составили карту подземных кладов и зашифровали ее в шаманской шапке. Ее отдал я своему сыну Богдоче. Он увел наш народ на север. Но тебе, кузнец, скажу, что земляной клад со свинцом лежит прямо под нами, в обрыве Высокого Мыса, – старик попытался поднять руку и указать, но только кисть шевельнулась беспомощно. – Надо спуститься к реке и оттуда смотреть вверх по обрыву, там заметишь слой галечника, в нем хранится руда со свинцом. Там меня и похорони.

Момоче потерял сознание, а очнувшись, попросил воды. Напившись, он продолжил свою историю:

– В тайге нашей появились русские. Подъельники, Кержацкая обитель. Монастырь снабжал наш народ разными товарами, тунгусы несли туда пушнину. Монастырь давал нам в долг, у нас была настоящая дружба...

Три года назад зверь ушел на север. Пушнины стало мало. И монастырь перестал давать нам товары. Народ мой попал в беду, наступил голод, и пошли болезни, люди стали пропадать. Половина пропала. Я пошел в монастырь сам просить помощи. Поп Филька сказал мне, что Мисаилка Каверников приказал черным людям с Высокого Мыса в долг больше ничего не давать. Погибель...

Тогда я сказал Фильке: проклинаю вашу обитель и даю клятву отомстить монастырю, Мисаилке отомщу! Но с пустыми руками я не мог возвращаться к своему народу. В ночь я ушел на пасеку к Терешке Багрову. Упал перед ним на колени, стал просить: Терешка, ты русский человек, выручай, народ мой пропадает... И Терешка выручил, спасибо ему. Нагрузили целую нарту харча, приволокли на Высокий Мыс. Терешка в кредит нам поверил, не хватал нас за горло – отдай сейчас.

Старик опять умолк, долго отдыхал.

– Вот как дело было, кузнец...

Как-то поначалу нынешнего лета к обители подъехал обоз верховых, нагруженный какими-то ящиками. Их сгрузили у калитки Мисаилкиной избы. Разбойники ушли в обитель, загуляли там, а другие люди вышли из тайги и перетаскали ящики Мисаилке в келью. Я знал, у Мисаилки в избе есть потайной ход в подземелье. Ведь это наши тунгусы копали это подземелье, а потом вдруг сгинули все сразу. Но отец успел мне про него рассказать. Строил эту обитель еще дед Мисаилкин. Но тогда тунгусы простили, нужда заставила забыть зверства кержаков. Ох, обитель – черное гнездо...

Я сам видел, как полиция арестовала разбойников. А ночью мы с помощниками пробрались в подземелье, вытащили два ящика и спрятали их в тайге. Их я отдал Терешке за долг. А народ свой отослал на север. Родовую шапку вручил сыну Богдаче. Зато Мисаилке, грабителю, отомстил.

Старик снова провалился в беспамятство. Очнулся, и снова заговорил. Тихо и прерывисто.

– В Мокрой тайге – золото. И подземное, и царское. Желтая бляшка на шапке показывала туда. В самый дальний и гнилой угол. Я был там после ограбления и видел, как нездешние люди железные бочки, опутанные цепями, в болото спускали. Знак потайной они там оставили. На толстой березе вырубили конскую ногу с копытом и коленкой...

Это были последние слова шамана. Гордей приложил ухо к груди старика: он не дышал.

К избушке Кондрата Воронина шел свежий двойной лыжный след. Гордей решил подстраховаться: береженого бог бережет, – и обошел землянку со стороны озера. Но пес, лежавший у входа, его все равно учуял и залаял без всякой злобы, больше ради приветствия. На лай вышел Кондрат:

– Своих, что ль, признал? – погладил хозяин собаку, вилявшую хвостом.

Гордей вышел из-за дерева и махнул рукой. Кондрат крикнул:

– Выходи, не бойся. Свои. Сам господин адвокат из Таянска к тебе пожаловал.

Потрепав пса по загривку, таежный путешественник пожал руку Воронину и вошел в избушку.

– Что-то случилось, Аркадий Дмитриевич? – с порога спросил Гордей.

Присяжный поверенный Соловьев встал из-за стола, подошел к заснеженному охотнику и обнял его.

– Все нормально, Семен Борисович, по делам ссыльных поляков приехал. А заодно и вас решил проведать. Да привет от зазнобы вашей Марьи Петровны вместе с документами передать.

Гордей встрепенулся:

– Как она?!

– Пока в порядке. Конечно, конспирацию соблюдать приходится. На Троицу ее обет в обители заканчивается, так от женихов просто отбоя нет. Даже сам настоятель Каверников к ней сватается.

Гордей в ярости бросил шапку на пол и уже собрался рассказать адвокату все, что узнал о караванном золоте от шамана Момоче. Но Соловьев строго посмотрел на него, а потом попросил Кондрата оставить их наедине. Когда Воронин вышел наружу, присяжный поверенный повернулся к Гордею и сказал:

– А теперь рассказывайте, Столетов, да поподробнее.

Он и выдал все, как на духу. Лишь о месте захоронения награбленного в Мокрой тайге и тунгусской шапке умолчал.

– Ну и дела! – перевел дух адвокат. – Господина Каверникова я тоже подозревал, но чтобы так! Чуть ли не организатор ограбления века! Хотя – нет, и по-выше его наверняка преступники замешаны. Значит, здешний староста присвоил себе два ящика царского золота да еще фальшивые деньги печатал? Записку Ерофеича про Терешку обязательно сохраните. Может, понадобится.

Соловьев предал Столетову новый паспорт на имя Семена Кольцова и заверил, что с этим документом он может даже в Подъельниках появляться, но в Таянске – все же не стоит. Аркадий Дмитриевич на протяжении всего разговора не мог скрыть своего удивления, как же Гордею удалось так быстро почти все уголовное дело раскрыть.

– А в Петербурге, между прочим, вас главным виновником этого разбоя выставили. Следы заматают. Будьте осторожны, Гордей Емельянович.

В этот момент с мороза зашел Кондрат с котелком воды и ощипанными рябчиками.

– Ужин готовить будем? Али как?

Это предложение не обсуждалось.

Мороз крепчал. Звезды на ясном небе сияли особенно ярко. Въезжали в Подъельники. Сердце Елены дрогнуло: «Может быть, сейчас где-то тут Гордюша, не знает, не ведает, что я проеду от него в нескольких саженьях». Она отбросила воротник дохи и посмотрела на дом Кондрата Воронина в углу на церковной площади. Но сани покатали дальше в тайгу, и барышня задремала.

Ее разбудил ленивый лай монастырских псов. Возница соскочил с облучка, подошел к воротам:

– Во имя отца и сына, – громко проговорил он.

– Аминь! – ответили изнутри.

Ворота со скрипом раскрылись и впустили санную повозку.

Елену сестра-хозяйка Олимпиада отправила на ночлег в келью к пожилой

монахине, сославшись на то, что вся обитель заполнена старцами, приехавшими для какого-то важного разговора. А рано поутру она разбудила несшую обет послушания учительницу и попросила вместе с Зиной навестить отца Филата в таежном ските и предупредить его о сходе.

Еще в предрассветных потемках девушки миновали монастырскую гриву с мелкими перелесками. А когда на востоке забрезжило солнце, они шли уже низкой тайгой. Старый, затвердевший лыжный след был местами еще заметен, и они продвигались по нему довольно быстро.

После полудня послушницы присели на колоду перекусить, испить кваску из глиняного кувшинчика. Зина снова заговорила о красавце Семене из дальних скитов. Елена улыбнулась и ответила:

– Пусть сначала мой срок послушания по обету закончится, а потом, так и быть, познакомишь меня со своим Семеном.

– Ой, Ленушка, он такой красивый, с ума сойти можно.

Елена перевела разговор в другое русло, хотя любая весточка про Гордея была для нее на вес золота, но от болтушки Зины кроме восторженных эмоций ничего ж не добьешься.

– Зачем старцы пришли в обитель, ничего не слышала?

Зина пожала плечами:

– Наверно, все с этими разбойниками голову ломают. Как да что?

Отца Филата они застали перед кельей. Рубил дрова для печки. Сразу передали просьбу настоятеля: срочно прибыть в обитель, заверили, что помогут старику добраться.

Затворник только спросил, кто еще из старцев прибыл?

– Авдей, Мефодий и Ананий, – выдала Зина скороговоркой.

Отец Филат испуганно перекрестился:

– Пресвятая мать богородица! Вышний суд. Кому-то гибель уготована.

И стал собираться в дорогу.

Тихо. Мороз. Кует все вокруг, в лесу потрескивает. Над обителью столбы дыма. На улицу не высунешь носа, захватывает дыхание. Даже псы притихли, запрятались в свои конуры, свернувшись калачиками.

Монашки по кельям с затаенным дыханием ожидают сурового суда старцев. Кого будут судить, за что, никто ничего не знает. А за длинным столом в просторной зале восседают старцы. Ананий, сухой с длинной бородой, горбоносый. Мефодий, седой весь как лунь, приглаженный. Авдей, с рыжей седеющей широкой бородой. А напротив монахи обители: Селиверст, Ксенофонт и последний Филат. А за ними – сам попечитель и настоятель Мисаил Каверников.

Отец Мефодий встал и вперил свой безумный взор прямо Каверникову в глаза.

– Вся наша братия по скитам в смятении. Очистилась ли обитель от скверны разбойничьей иль за кем тут вина имеется?

Попечитель, не поднимая глаз, ответил:

– Да, очистилась. Еще осенью приезжал в обитель жандарм, кое-что спросил и все. Следственная комиссия по делу каравана больше нас не тревожит. Мирским властям ясно, что наша обитель к этому делу непричастна. Мы все моли-

лись всевышнему, просили очистить нас от случайного позора. Я думаю, наша молитва услышана господом.

Старцы не поверили безбородому купчине, но промолчали. Уж больно много зависело от этого господина в мирской одежде.

Проводив адвоката до Подъельников, Кондрат вернулся через два дня на Ржавое озеро. Багровский прииск не давал ему покоя. Он уже снял пробу из трех шурфов. И везде – чепуха, пыльца, золотишко косовое и совсем мало. Старатель доложил хозяину о результатах. А Терентий одно твердит: все равно ищи. Должно быть там золото. Про то ему сам тунгусский шаман Момоче сказывал. А еще обещал пригласить инженера с Енисейской тайги для помощи. Тот невесть когда приедет. Вот и пришел Кондрат к своему таежному постояльцу: помочь в разработке месторождения. Семен-Гордей, недолго думая, согласился.

За сутки добрались до прииска. Ночевали у старика Евстигнея, на пасеке. От нее до участка Терентия всего пара верст вверх по речке Безымянке. С утра заложили еще один шурф. Определили, что до золотоносного горизонта не больше одной сажени. Но аршинный слой мерзлоты все равно пришлось выдалбливать.

Между делом Гордей спросил у приискателя:

– Значит, дядя Кондрат, не верит тебе Багров, что на его прииске не может быть крупного золота?

– Не верит, Сеня. Говорит, что должны быть самородки, обязательно должны! Своими глазами, дескать, видал. А сам в приисковом деле тумак-тумаком.

– Что ж, давай, не будем разочаровывать золотопромышленника. А подыграем ему. Ты представь меня как горного техника. А я уж в нем алчность-то разбужу!

Кондрат удивился:

– Зачем тебе это?

– А пусть развернет работы. Наберет людей в Подъельниках, хоть сельчане малость заработают. А мы с тобой уйдем в другие места, я там кое-какие приметки тебе покажу.

– Поделом этому мироеду. Пусть раскошелится! – и оба рассмеялись.

В планы Гордея входило подбросить Багрову в шурф то золото, что он обнаружил в зобу у глухаря, но Терентий Назарович сам его опередил.

Вначале напросился к приискателям на промывку породы. Потом отдалился от них по ручью, и вскоре таежную тишину разорвал радостный крик:

– Нашел! Нашел! Золото! Много золота!

Кондрат с Гордеем подбежали к обезумевшему старосте. Он тряс старательским корытцем, в котором сквозь мерзлую землю проблескивала обильная россыпь желтого металла.

– А ты, Кондрат, говорил, бедный прииск. Да он меня озолотит! – твердил восторженный Глот.

Гордей посмотрел через плечо на чистые крупички и сразу понял: откуда это золото! Старосте надо было легализовать подарок старого шамана, вот он и подкинул караванное золото в собственный шурф, якобы сам нашел.

– Да, Терентий Назарович, такое богатство грех в земле держать, – позавидовал театрально Гордей. – Надо артель набирать. А мы с Кондратом вам теперь и не нужны.

По пути на Высокий Мыс они подвалили глухаря фунтов на двадцать пять. С ветки березы он грохнулся в глубокий сугроб, потом долго возились в поисках тушки, к избушке вышли как раз перед сумерками. Решили завалить глухаря в котел на ужин, не справятся – останется на завтрак. Кондрат быстро ошпал птицу. Дело давно знакомое. Опалил на железной печке.

– Потроши, Сеня, привыкай, я подготовлю приправу.

Гордей вынес глухаря на улицу и там на доске принялся разделывать.

– Чего, Сеня, золотишко думаешь найти в зобу? – выходя из избушки, спросил Кондрат, наблюдая, как Гордей рассматривает песочек в птичьем желудке.

– Говорят, бывает.

– Но мне такого не приходилось встретить. Рассказывали, был случай: в зобу домашней утки нашли золотину. Бросились искать: откуда? Туда, сюда: нет россыпи. И вот однажды поутру жители деревни хватились: во всех дворах утки порезаны, выдраны зобы.

Избушка наполнилась теплом и вкусным запахом глухариного мяса. Гордей достал из нагрудного кармашка узелок, развязал его и положил перед Кондратом.

– Меньшее зерно из моего глухаря. Я сшиб его, не доходя до пасеки версты две. А эти две крупные горошины Евстинеева старуха нашла в зобу глухаря, убитого ее стариком, примерно там же, где и я.

Кондрат пощупал золото и присвистнул:

– Это с Большой Земли.

– Почему так думаешь?

– Только там, Сеня, материковые скальные породы выходят на поверхность.

Чужое имя неожиданно больно резануло Гордея по сердцу. И надоело ему перед товарищем комедию ломать, и признался, что никакой он не Семен Кольцов, а Столетов, Гордей Емельянович, беглый каторжанин. А послушница Елена – невеста его Марья, укрывшаяся от властей после крестьянского восстания в староверческом монастыре.

– Что ты – Столетов, я, брат, давно догадался. А невеста, говоришь, тоже в розыске?

Воронин задумался. А Гордей продолжил:

– Она мне передала: в монастыре по обету на три года, срок кончается в предстоящую Троицу. До того она в безопасности, а дальше не знает, что делать, как быть?

– А с какого года родом твоя Марья?

Гордей назвал дату, и Кондрат восторженно вскрикнул.

– Надо же, какое совпадение! Почти в один день с моей погибшей в младенчестве дочерью. И звали ее тоже Еленой. А давай-ка я ее усыновлю, признаю за свою дочь. Метрики есть. Дочка она моя, от первого брака. Мать ее погибла. А дочь, видишь, нашлась!

Вот он – Высокий Мыс. Вершина Большой Земли. А вот и чум умершего шамана Момоче.

– Располагайся, дядя Кондрат. Чувствуй себя как дома, – Гордей на правах наследника распорядился по-хозяйски.

Зажег приготовленный загодя хворост, проверил, все ли на месте, и, удивившись в целостности провианта и охотничьего инвентаря, отодвинул топчан и вытащил из какой-то каменной норы увесистый холщовый мешочек.

– Глянь, дядя Кондрат, а не такое ли золото нашел Глот на своем прииске?

Воронин рассыпал блестящую полоску на столе, поднес горящую лучину, чтобы лучше разглядеть, и воскликнул:

– Мать честная! Оно – то самое золота, как у Багрова. Я в наших местах никогда такого не видывал. Червонное, чистое. Наше-то – красное, с примесью меди. А это – самой высокой пробы. Откуда оно, Гордей?

– Из разграбленного каравана, – ответил Столетов.

И рассказал товарищу всю историю.

Воронин присвистнул и засмеялся:

– А ведь Глот понесет находку сдавать на переплав. Его же любой приемщик сразу расколлет, что не рудное это золото, и донесет жандармам. Ой, сложно будет Терентию Назаровичу доказать свою невиновность, что не он грабил караван!

– Поэтому надо его предупредить, чтобы не подставился, – заметил Гордей.

– Зачем? Поделом Глоту за его жадность. На мужицком же горе разбогател.

– Старшина – это власть. Он может что угодно не заметить, что угодно подтвердить. Например, что Елена – твоя дочь, выдать ей вид на жительство. И делает это из страха, что мы его продадим с караванным золотом.

Кондрат покачал головой:

– А вдруг он все на нас свалит, что это мы подсыпали золото в шурф?

– Ну, мы же по-товарищески его предупредим, чтобы не сдавал золото. И потом у меня на него еще один компромат имеется, – Гордей показал Воронину записку фальшивомонетчика. – На крючке у нас теперь староста. Не сорвется.

И беглый каторжник выложил приискателю свой последний секрет – про тунгусскую шапку, открывавшую подземные кладовые несметных богатств.

1977 год

Об авторе: Иван Мокеевич Марков (1901–1977) – писатель, асиновский краевед, один из создателей газеты «Причулымская правда», старший брат известного советского писателя Георгия Маркова. В 1964 году Западно-Сибирское книжное издательство выпустило первую книгу романа «В сибирской дальней стороне», написанную двумя старшими братьями Марковыми – Иваном и Федором. Федор Мокеевич Марков скончался в 1971 году, и вторую часть романа готовил к печати И.М. Марков уже один. Полностью роман опубликован в Новосибирске в 1973 году. Над романом «Укрой, тайга» Иван Марков работал практически до конца своих дней. Это своего рода продолжение романа «В сибирской дальней стороне». Произведение так и не было завершено. Незаконченная рукопись хранится в государственном архиве Томской области. Отрывки из этого романа публикуются впервые.